

ИСТОРИЯ ГУВЕРНЁРСТВА В РОССИИ

В последнее время стала складываться тенденция к индивидуализации обучения. Но не даром говорят, что новое — это хорошо забытое старое. На рубеже эпох мы обращаемся назад, возвращаем старые традиции.

В этой статье мы попробуем проследить историю гувернёрства в России — как русского, так и иностранного. В переводе с французского "гувернёр" означает "воспитатель детей, приглашаемый в буржуазные семьи". Толковый словарь русского языка так объясняет значение слова гувернантка: "воспитательница детей, приглашаемая в семью, чаще иностранка". Как же была организована работа гувернёров в дореволюционной России? Начнём с Древней Руси.

Традиционное церковное воспитание в целом не предусматривало присутствия гувернёров, а уж тем более иностранных, в домашнем воспитании детей. Это и неудивительно, так как педагогическое сословие как таковое отсутствовало вообще. Священники в школе и приставленные к детям "дядьки" и "няньки" в семье ставили перед собой лишь "душеспасительную" задачу, отодвигая воспитание и образование на второй план. Домашние воспитатели того времени не имели какого-либо специального образования. Занятие воспитанием детей для этих людей не составляло их основную профессию, обычно они совмещали её с какой-нибудь другой — духовной, земледельческой и т.д. Тем более они имели тесную связь с духовенством.

Таким образом, внешкольное образование наших предков до Петра носило тот же характер, что и школьное, т. е. было отмечено церковностью. Основой всех дополнительных знаний служили библейско-апокрифические сказания. Но с течением времени ситуация меняется. С вступлением на престол Петра I государство начинает более серьёзно заботиться об образовании.

Указом Петра 1725 года "поведено было учить в академии геометрии и тригонометрии, всякаго звания людей, кто пожелает, во всякия потребы — в церковную службу и в гражданскую, воинствовати,

знати строение и докторское врачевское искусство"¹. Однако с учреждением академии запрещалось учиться дома, без разрешения блюстителя и учителей академии, языкам греческому, польскому и латинскому и другим иностранным языкам, повелевалось домовых учителей не держать и детей, кроме как в академии, не учить из опасения, как бы домашние учителя, особенно иностранные и иноверные, не внесли какой-либо противности вере нашей православной, чтобы не было разногласия. Виновные в нарушении этого приказа подвергались конфискации имущества².

Постепенно отношение к домашним воспитателям меняется. Перейдём к либеральной екатерининской эпохе, сменившей жёсткое реформаторство Петра. Широкое распространение в дворянских семьях получило домашнее воспитание с помощью учителей, гувернёров и гувернанток, приглашавшихся для обучения несовершеннолетних детей. Оценка роли домашнего воспитания и важности его вполне соответствует духу екатерининской эпохи: "Первым правилом воспитатель должен поставить себе то, чтобы заблаговременно исследовать способности воспитанника, смотрению его вверенного, и сообразно силам и дарованиям молодого человека размерять труды об нём и старания. Внутренняя склонность всегда готова раскрыться в нас; надобно токмо удачно тронуть её" — причём индивидуальность присуща не только лицам, но и народам. В нагрузке на ум и на память следует придерживаться разумной середины. Важнейшая тренировка памяти — изучение языков (протест против принципиального невежества эпохи). Ум обогащается, прежде всего, историей. Но, кроме рассудка и памяти, есть ещё и воображение, и развивать нужно и его: "История природы для детей гораздо полезнее, нежели как обыкновенно думают. Молодые люди то скорее понимают, что ближе к чувствам и более действует на воображение".

Об иностранном же домашнем воспитании той эпохи можно прочесть следующее: "иметь из чужестранцев и Россиян, знающих иностранные языки, надзирателей. Они, живучи с ними <детьми> в одних покоях и будучи всегда при них неотлучно, собственным примером, ежечасным напоминанием и благоразумными советами при всех случаях стараются вкоренить в них благонравное поведение, практически приобучают их к разговорам на иностранных языках, делают с ними каждый день повторения уроков и руководствуют их в изучении всего того, что задаётся им от Учителей"³.

В то же время был выпущен Указ, наказывающий гувернёрам и учителям-иностранцам иметь аттестаты Академии наук или Московского университета (с 1804 года аттестаты выдавали также гимназии). Не имеющим аттестатов грозила высылка из страны, а их хозяевам —

штраф в 100 рублей — очень немалые по тем временам деньги. От экзаменов освобождались лишь выпускники университетов и духовных академии, а также девушки, окончившие учебные заведения по ведомству Министерства народного просвещения.

Как вы видите, в те далекие годы гувернанток готовили специально, причём с самого детства. Для женщин с пытливым умом и добрым сердцем, вынужденных зарабатывать, это был, быть может, единственно возможный источник существования. Однако стоит сказать, что источник единственный, но и вполне "хлебный". Дворянство той эпохи щедро оплачивало труды гувернёров. Но, как правило, привозных. Ш. Массон, сам воспитатель в семье Салтыковых, в своих записках сообщает о весьма внушительных гонорарах, полученных за воспитание знатных молодых людей: "Господин Брюкнер получил тридцать пять тысяч рублей за четырнадцать лет, посвящённых воспитанию молодых князей Куракиных, а Гранмон — двадцать пять за воспитание князей Долгоруких". Другой пример: исследователь творчества М.Ю.Лермонтова Висковатов отмечает, что англичанин Виндсон, бывший гувернёром в семье Уваровых и потом поступивший к М.Ю.Лермонтову, имел жалованье в 3000 рублей годовых и отдельный флигель для себя и жены.

Все домашние воспитатели, учителя, наставники были объявлены служащими Министерства народного просвещения. При этом звание наставника считалось более высоким, чем гувернёр. Гувернёры могли пройти дополнительные испытания и получить звание наставника. Звание наставника приравнивалось к должности старшего преподавателя гимназии, учитывалась выслуга лет, что давало право на повышение оплаты труда. С 1853 года наставники и гувернёры стали получать пенсии, хотя и довольно мизерные.

Специально для подготовки гувернанток был основан институт благородных девиц, более известный нынешнему поколению как Смольный. Женская семинария (Смольный институт) содержалась на средства императрицы. Девушек обучали истории, географии, русскому, французскому, английскому, итальянскому, немецкому языкам, а также музыке и рисованию. Девушки из средних слоёв учились также кулинарному искусству (печь пироги, сбивать масло и т.д.).

Литература и кинематограф донесли до нас образ типичной гувернантки того времени. Изящной и образованной, доброй и беззащитной бесприданницы, которую пытается соблазнить хозяин и обижает истеричная хозяйка. У А.С.Пушкина читаем: "Гувернантки были сноснее гувернёров: Они были женщины добрые, искренно лю-

бившие своих питомцев:"⁴. Часто гувернантки относились к своим воспитанникам теплее и лучше, чем их родители, в чём проявлялась потребность одиноких женщин в любви и заботе о детях. Рассказы о тяжкой судьбе гувернанток занимают большое место в мемуарной и особенно художественной литературе. Вспомним хотя бы рассказ А.П.Чехова "Переполах" с описанием того, как гувернантку напрасно заподозрили в краже брошки, что её безмерно оскорбило.

Чему же и как учили гувернёры и гувернантки, наставники и наставницы порученных им питомцев? Из сочинений русских классиков нам хорошо известна та важная, если не определяющая роль, которую учителя-иностранцы, и прежде всего французы, играли в домашнем образовании дворянских детей в России XVIII – XIX вв. Вместе с тем именно художественная литература сформировала в общественном сознании крайне одностороннее представление о данном феномене. Хотя фигура француза-гувернёра часто присутствует в произведениях русских писателей, обычно это второстепенный персонаж, лишённый ярко выраженной индивидуальности и обрисованный, нет, скорее обозначенный несколькими беглыми, стереотипными штрихами. О том, как в действительности обстояло дело, мы, к сожалению, мало что можем узнать из научных трудов.

Детям старались дать домашнее образование, вследствие этого обеспеченные родители отыскивали не просто человека, располагавшего кое-какими знаниями, а опытного педагога. Первоначально среди домашних воспитателей доминировали французы и немцы. Прежде всего, они пытались изолировать своих питомцев от внешнего мира. Эта тенденция была типична для педагогов XVIII – XIX веков. Она проявлялась как в превалировании закрытых учебных заведений, так и в попытках гувернёров основать (не всегда удачно) безукоризненную атмосферу для обучения и воспитания в семьях, чтобы ничто не мешало осуществить некую педагогическую методику. Несмотря на несомненные пороки, идея частичной обособленности детей от общества представляется довольно разумной. Ведь ребёнок, оказываясь в мире взрослых, в мире малопонятных ему фактов и разговоров, либо берётся подражать, норовя стать маленьким взрослым и тем самым теряя свою личность, либо доставляет себе абсолютно ложное суждение о мире взрослых. Включать детей в мир взрослых следует исподволь и очень осмотрительно.

Основное, чему стремились выучить своих питомцев гувернёры, – это умение трудиться. Они стремились сделать так, чтобы их воспитанники "не покрыли паутиной лени свои от природы светлые головушки", чтобы из ребёнка не получился "больфан" вроде главного героя "Недоросля".

Губернёры почти всегда много внимания уделяли физическому развитию своих питомцев. Но не столько для того, чтобы укрепить их здоровье, сколько приучить терпеливо переносить трудности. Конец XVIII в. — период интенсивного развития естествознания. В России изучением "естественной истории" активно занимались не только профессиональные учёные, но и многие представители высшей аристократии. Губернёры принимали самое деятельное участие в этих изысканиях. Находясь в переписке с зарубежными учёными и поддерживая тесные связи с российскими естествоиспытателями, они выполняли функцию одного из каналов популяризации в русском обществе передовых достижений западноевропейской науки.

Здесь нельзя не упомянуть о прекрасном. Большая часть иностранных губернёров были образованнейшие люди, нередко знатного происхождения. Далеко ходить не надо — кто же развил у великого русского классика А.С. Пушкина любовь к искусству, а именно к рисованию? Да ни кто иной, как его первый губернёр! Известно, что ещё задолго до поступления в Царскосельский лицей, где преподавалась живопись, к этому искусству интерес у ребёнка пробудил французский эмигрант граф Монфор. Он был очень образованным человеком, хорошим музыкантом и живописцем. О нем великий поэт написал: "Не могу ставить на одну доску с этими чудаками <губернёрами> воспитателя детей, французского эмигранта, графа Монфора, человека образованного, гуманного: воспитывать и обучать французскому языку взялся сам граф Монфор. Этот француз любил рисовать, был музыкантом". И здесь же: "мы с Монфором обошли всю Москву. Я знал её вдоль и поперёк: Кремль, набережная, каменный мост, памятник Минину и Пожарскому, Воспитательный дом, Петровский театр, Университет"⁵. У Михаила Юрьевича Лермонтова также был губернёр. Его звали Жан Капе. Это был французский офицер, раненый во время отступления наполеоновской армии, попавший в плен и выхоженный добрыми людьми. Жан Капе говорил с маленьким Лермонтовым по-французски, няня — по-немецки, и маленький Лермонтов свободно разговаривал на этих языках с раннего детства. А через несколько лет Россия читала "На смерть поэта". Это было рождение ещё одного великого классика.⁶

Более дифференцированный подход к проблеме намечен в трудах В.О.Ключевского. Он полагал необходимым проводить различие между французами-губернёрами первого "привоза", случившегося в царствование Елизаветы, и второго — при Екатерине II. Первые, по мнению Ключевского, "были очень немудрёные педагоги". Вторые, по его словам, существенно отличались от тех в лучшую сторону: "Некоторые из них, стоя на высоте своего призвания, знакомы были с последними словами тогдашней французской литературы и

даже принадлежали к крайнему течению тогдашнего политического движения". К числу последних историк относил наставника великого князя Александра — Лагарпа. Граф Строганов, видный деятель в начале царствования Александра I, воспитан был французом Роммом. Дети Салтыкова воспитывались под руководством брата Марата (брата революционера), Даламбер едва не сделался воспитателем наследника русского престола. "Такими высокими средствами образования, как образованные гувернёры, пользовалось только высшее дворянство, но и читающая дворянская масса не лишена была средств усвоить новые идеи".⁷

Но неужели гротескный учитель-француз воспитывал тогдашнее поколение? Неужели классика в полной мере отразила правду жизни? Смеем вас заверить — нет. Французский посол граф Сегюр писал, что по своему образованию и культуре блестящая российская аристократия ни в чём не уступает наиболее просвещённым людям Западной Европы. Фактом может служить также труд Ф. Гастевена⁸, исследовавшего жизнь французской колонии в Москве и пришедшего к выводу, что иностранные наставники вовсе не были дезертирами, ворами и мошенниками, но отличались высоким уровнем образования.

В завершение исторического экскурса скажем, что в послереволюционное время к факторам, снижавшим интерес исследователей к изучению домашнего образования царской России, добавился ещё и классовый подход. Придерживаясь его, советские историки педагоги сознательно акцентировали внимание на тех формах образования, что были доступны "трудящимся классам", и на проектах внесловной школы⁹. Качеству домашнего обучения дворянских детей даётся однозначно негативная оценка: "Среди учителей иностранцев появляется много случайных людей, не имеющих необходимого образования и опыта в обучении и воспитании детей. Даже дворянские правительства, сами заражённые преклонением перед иностранщиной, вынуждены были обращать внимание на это"¹⁰.

За постсоветское десятилетие новых исследований по данной теме не появилось. Авторы же учебной литературы по истории педагогики либо по-прежнему обходят молчанием вопрос о роли иностранных учителей, либо некритически повторяют традиционно негативные оценки их деятельности.

Что же дали иностранные гувернёры? Как можно в целом оценить их вклад в историю русской педагогики?

Во-первых, под влиянием губернёров в России появилось несколько поколений аристократов, которые фактически были билингвистами — воспринимали и использовали как родной язык не только русский, но и французский и, как правило, английский или немецкий. В отличие от печальной беспомощности в области иностранных языков русской элиты в советскую эпоху, русская аристократическая интеллигенция позапрошлого века получала с детства возможность следить за новинками западной европейской мысли в первоисточниках, активно и на равных общаться с иностранцами на любом уровне. Не в этом ли кроются секреты особых достижений русской классической литературы, русской науки, медицины, техники в до-революционную эпоху? И не в культурной ли изоляции от передовых стран кроется одна из причин застоя и отставания советской России в последние десятилетия XX века?

Но иностранные губернёры дали русской культуре не только языковую свободу в общении и чтении иностранной литературы. Иностранные губернёры — это ещё и уроки хороших манер. В результате дети — воспитанники губернёров — с раннего детства осваивали определённые навыки этикетного поведения, поведения, приучающего человека контролировать выражение эмоций в формах, приёмах для окружающих. Когда в наше время мы страдаем от хамства наших соотечественников — этаких самодовольных невежд, то это означает, что в России пора восстанавливать институт иностранных губернёров. 🍷

1. Каптерев П.Ф. История русской педагогики//Педагогика 1993. №1. С. 73.
2. Каптерев П.Ф. История русской педагогики//Педагогика 1993. №1. С. 74.
3. Печатается по: "Сборник правительственных постановлений и других документов", б. м. и г. изд.,
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 12.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 12.
6. Воскобойников В. Рефераты к материалам о жизни М. Ю. Лермонтова.
7. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. 5. Курс русской истории.
8. Чудинов А. В. Французские губернёры конца XVIII века: постановка проблемы.
9. См., например: Сычёв-Михайлов М. В. Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., 1960; История педагогики.
10. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XX в. М., 1973.

Статья подготовлена по материалам сайта www.bonne-int.com